

ОБЭРИУТЫ В КРУГУ МИХАИЛА КУЗМИНА (СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ)

А.С. Пахомова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия;
aleks.pakhomova@gmail.com*

Аннотация: С середины 1920-х гг. будущие обэриуты — А.И. Введенский, Д. Хармс, К.К. Вагинов — сблизались с кругом поэта, прозаика и драматурга М.А. Кузмина и к концу десятилетия стали постоянными посетителями его дома. Тема «Кузмин и обэриуты» достаточно разработана, однако в многочисленных исследованиях фокус смещается на прагматику сближения с известным писателем самих чинарей, для которых контакты с Кузминым были способом общения с мэтром, а также на поиски творческого влияния старшего поэта на младших. Объектом настоящего исследования становится сообщество, которое складывалось вокруг Кузмина с 1924 по 1929 гг.; для его выделения и описания используется сетевой анализ, проведенный на основе дневника Кузмина, и визуализация данных в виде графов. Такой подход позволяет получить относительно точные данные и проследить траекторию вхождения молодых поэтов в круг Кузмина и динамику их отношений в этом кругу. Перенесение акцента с творческого влияния на социальные контакты проблематизирует сам феномен литературного круга и делает правомерным вопрос о той общности, которая сложилась в доме Кузмина в 1920-е гг. и стала одним из истоков ленинградской неофициальной литературы второй половины XX в. Полученные данные также выявляют закономерности и параллельное развитие разных тенденций: от кластеризации литературного сообщества в середине 1920-х гг. до писательской стратегии Кузмина, приведшей его к созданию сборника «Форель разбивает лед».

Ключевые слова: М.А. Кузмин; А.И. Введенский; Д. Хармс; К.К. Вагинов; сетевой анализ; визуализация данных; графы; сообщество

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 24-28-01583 «Записные книжки и дневники Даниила Хармса: текстология, научный комментарий, издание» (<https://rscf.ru/project/24-28-01583/>).

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-13

Для цитирования: Пахомова А.С. Обэриуты в кругу Михаила Кузмина (сетевой анализ) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 162–177.

OBERIUTS IN MIKHAIL KUZMIN'S CIRCLE (NETWORK ANALYSIS)

Aleksandra S. Pakhomova

*Higher School of Economics University, St.-Petersburg, Russia;
aleks.pakhomova@gmail.com*

Abstract: Beginning in the mid-1920s Aleksandr Vvedensky, Daniil Kharms, and Konstantin Vaginov became acquainted with the circle of the poet, writer, and playwright Mikhail Kuzmin, and by the close of this decade, they became regular visitors to his residence. The interactions between Kuzmin and the Oberiuts has been sufficiently developed; however, numerous studies have shifted the focus to the pragmatics of rapprochement with the famous writer by the *chinary* themselves. For young poets, Kuzmin was the maestro, and all of them sought his creative influence. Present study examines the community that developed around Kuzmin from 1924 to 1929. For identifying and describing this community network analysis based on Kuzmin's diary and data visualization in the form of graphs were employed. This methodological approach facilitates the tracing of the trajectory of the young poets' within Kuzmin's milieu and dynamics of their relationships. The transition from creative influence to social contacts provides re-approaching the nature of the literary circle and legitimacy of inquiries concerning the unique community that emerged in Kuzmin's residence in the 1920s. The data obtained also reveal patterns and trends from the clustering of the literary community in the mid-1920s to Kuzmin's writing strategy in *Trout Breaks the Ice*.

Keywords: Mikhail Kuzmin; Aleksandr Vvedensky; Daniil Harms; Konstantin Vaginov; network analysis; data visualization; graphs; community

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation Project No. 24-28-01583 "Daniil Kharms' Notebooks and Diaries: Textual Criticism, Scientific Commentary, Publication" (<https://rscf.ru/project/24-28-01583/>).

For citation: Pakhomova A.S. (2026). Oberiuts in Mikhail Kuzmin's Circle (Network Analysis). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 162–177.

В 1977 г. в Париже вышел альманах «Аполлонъ–77» — один из первых коллективных проектов советской неофициальной культуры. Миссия этого издания была определена так: «...этот (на выбор!) сборник, альманах, альбом, журнал вобрал наиболее значительных и ярких представителей русского авангарда за минувшие шестьдесят лет от Кузмина, Введенского и Вагинова (в данном случае я имею в виду только литературу) до самых новейших...» [Аполлонъ–77, 1977: 3]. Появление в одном ряду М.А. Кузмина, А.И. Введенского и К.К. Вагинова не выглядит случайным: о творческих и личных контактах Кузмина с молодыми поэтами было хорошо известно их

современникам и «литературным потомкам»¹. Не будет преувеличением сказать, что попадание Кузмина в «Аполлонъ–77» было вызвано в равной мере характером его творчества и той кружковой культурой, которую развивал писатель и которая смогла в конце 1920-х — начале 1930-х гг. объединить Д. Хармса, Введенского, Вагинова, ставших спустя десятилетия ключевыми фигурами ленинградского андеграунда.

«Кузминский круг» — это явление, границы, прагматика и феномен которого все еще не описаны в полной мере. В настоящей статье мы сосредоточимся на трех его представителях — Константине Вагинове, Александре Введенском и Данииле Хармсе, чтобы на их примере показать, как функционировал кузминский круг и какие траектории приводили в него авторов.

История отношений и творческие контакты Кузмина с Хармсом, Введенским и Вагиновым неоднократно проанализированы². Так описывает их А.А. Кобринский: «Дружеские отношения Введенского и Хармса с Кузминым, начавшиеся в 1925 году, продолжались довольно долго. Дневник Кузмина весьма часто упоминает об их визитах, а Хармс на протяжении нескольких лет записывает в свои записные книжки — очевидно, со слуха — понравившиеся ему стихи Кузмина» [Кобринский 2009: 47–48]. Н.А. Богомолов резюмировал динамику отношения Хармса к Кузмину: «взаимный интерес, потом обида на то, что Кузмину и Юркуну больше нравятся произведения Введенского, при общем одобрительном отношении к творчеству как того, так и другого, а уже к началу 1930-х годов — разочарование» [Богомолов 2010: 457].

Примечательно, что, несмотря на предпочтение, которое Кузмин отдавал произведениям Введенского³, и на факт его многолетней творческой и дружеской связи с Вагиновым, взаимоотношения с ними относительно мало изучены. Ю.М. Валиева упоминает общение Кузмина с Введенским, «которое не могло не сказаться на интересах молодого поэта» [Валиева 2007], однако развития эта гипотеза не получила. Наиболее разработанной в исследовательской литературе остается связь «Кузмин — Хармс». Л.Г. Панова, анализируя «Лапу» Хармса (1930), выделяет в ней обширный «кузминский слой» и отмечает: «Кузмин <...> по всей видимости воспринимался

¹ О феномене кузминского круга см.: [Пахомова 2024].

² Прежде всего стоит упомянуть одну из первых статей, посвященных этой теме [Cherop 1983], и обзорную работу [Устинов 2021]. О влиянии творчества Кузмина на обэриутов см.: [Богомолов, Малмстад 2013: 320]. Об отдельных фактах отношений Кузмина и Хармса см.: [Кобринский 2019].

³ См. неоднократно цитируемую запись Хармса от января 1927 года: «Странно, что со мной делается. По-моему Кузмин и Юркун ничего не понимают. Их похвала Введенс<кому>» [Хармс 2002: 129].

им [Хармсом] как “живой” авторитет. От него Хармс ожидал пропуска в русскую литературу. <...> По образу и подобию Хлебникова и Кузмина Хармс формировал свою писательскую личность» [Панова 2017: 384]. Творческий метод обэриутов и их отношение к литературе, по мнению исследователей, в свою очередь влияли на Кузмина, который с середины 1920-х гг., «подобно своим младшим современникам <...> начинает писать вещи, уже явно предназначенные для ящика письменного стола, а не для печати» [Богомолов, Малмстад 2013: 300].

Мы бы хотели рассмотреть тему «Кузмин и обэриуты» с другой стороны и перенести фокус внимания с творческих контактов на социальные. В наиболее распространенной модели литературной кооперации влияние авторитетного и известного поэта на начинающих авторов в основном не подлежит сомнению. Нередко сам факт социального контакта предстает как обязательство контакта творческого. Б. Уокер так описывает отношения наставничества, сложившиеся в культуре русского модернизма:

Идейный наставник обеспечивал своего подопечного как духовной, так и физической пищей, проявляя педагогическое внимание к его интеллектуальному, моральному и духовному состоянию, с одной стороны, и часто приглашая его на трапезы — с другой. Также предполагалось, что во многих отношениях ментор будет служить ему живым примером того, как жить, обучая его и словом, и делом [Уокер 2022: 98].

Фигура старшего наставника была связана не только с протекцией, но и с интеллектуальным и творческим воздействием на «младших», как это можно было наблюдать в группах, созданных вокруг ярких литературных фигур, — «Звучащей раковине» Н.С. Гумилева, «вечерах на Ждановке» Ф. Сологуба или одном из ранних объединений, собранных Кузминым, — «Марсельских матросах»⁴.

Однако идейные принципы, которыми на протяжении всей жизни руководствовался Кузмин, организуя вокруг себя литературную среду, были прямо противоположные: отказ от ученичества и отсутствие творческого диктата. Идеальный литературный союз для Кузмина предстал как круг друзей и единомышленников, а примером удачной среды называлась «атмосфера дружбы и любви» [Кузмин 2000: 316]. Вовлекая в свой круг молодых поэтов, прозаиков и критиков, Кузмин не ставил перед собой цель влиять на них и культивировать ученичество: для него, насколько можно об этом судить, был ценен сам факт совместного времяпрепровождения. Устраняя из анализа обязательный поиск творческого влияния (при этом не отказываясь от идеи такого влияния полностью), мы можем рас-

⁴ Подробнее о «матросах» см.: [Пахомова 2025: 124–142].

смотреть круг Кузмина как социальную среду, сообщество, все участники внутри которого преследовали разные цели.

Чтобы реконструировать эти цели, мы сосредоточимся на траекториях вхождения наших героев в кузминский круг. Весной 1922 г. в коммунальной квартире на Спасской улице (впоследствии — улице Рылеева), где жил Кузмин, впервые появился Вагинов; весной 1924 г. — А.И. Введенский, в конце 1925-го — Даниил Хармс. Сближение с Кузминым совпало для Вагинова, самого старшего из молодых поэтов, со взлетом его литературной карьеры. К началу 1922 г. он был автором поэтического сборника «Путешествие в хаос» (1921) и готовой к печати книги стихов «Петербургские ночи», участвовал во многих литературных объединениях Петрограда и был замечен критикой. Однако в это же время Вагинов начинает поворот к прозе, впоследствии изменивший его литературную стратегию. Осенью 1922 г. в первом выпуске «Абраксакса», альманаха кузминского объединения эмоционалистов, вышла проза Вагинова «Монастырь господ нашего Аполлона», а во втором — «Звезда Вифлеема». Вхождение Вагинова в объединение эмоционалистов осенью 1922 г., по видимому, следует считать скорее механической, чем органической кооперацией (прозу «Монастырь господ нашего Аполлона» автор планировал издать под маркой другой литературной группы — сообщества «Островитяне» [Вагинов 2012: 159–160]). Особенности ранней прозы Вагинова — ассоциативность, сочетание разных временных пластов, отсылки к классической мифологии и поиск языка для описания современности — были подготовлены в «Петербургских ночах» и наложились на искания Кузмина, который к началу 1920-х гг. повернул свой творческий курс в сходном направлении (см. например, его цикл «София. Гностические стихотворения (1917–1918)» или большое стихотворение «Лесенка», 1922)

Иная траектория вхождения в кузминский круг была у Введенского. Впервые Кузмин фиксирует его имя в своем дневнике в записи от 16 марта 1924 г., где Введенский назван «мистиком-футуристом» [Кузмин 2024: 216], а уже с мая младший поэт начинает посещать дом старшего едва ли не ежедневно. Сближение с Кузминым происходит на фоне попыток Введенского войти в литературные круги Ленинграда: 6 мая 1924 г. он заполняет анкету на вступление в Ленинградское отделение Всероссийского Союза поэтов, и к осени, заручившись поддержкой А.В. Туфанова, становится полноправным членом Союза⁵. 5 декабря 1925 г. Кузмин впервые записывает в свой дневник фамилию Хармса, к тому моменту уже знакомого с Введенским. Одно-

⁵ Подробное изложение этой истории см. в: [Кукушкина 2010: 544–548].

временно с визитами к Кузмину Хармс посещал собрания Всероссийского Союза поэтов и вступил в «Орден заумников DSO».

Можно проследить общую тенденцию: и Вагинов, и Введенский, и Хармс входят в кузминский круг в моменты поиска своего сообщества в изменившейся культурной среде. Выйдя из-под крыла «Звучащей раковины» и обладая небольшой литературной репутацией, Вагинов оказывается без покровителя и почти без доступа к печати — а сколь бы ни были ограничены возможности Кузмина, тому удалось издать три выпуска «Абраксаса», в каждом из которых Вагинов принял участие. Хармс и Введенский вовсе не имели наставника: на короткое время им мог называться Туфанов, однако к концу 1925 г. они приняли решение разорвать отношения с «Орденом заумников DSO» и создать собственное объединение «Левый фланг» [Кобринский 2009: 44–45]. В апреле 1926 г. Хармс и Введенский пишут письмо Б.Л. Пастернаку с просьбой оказать содействие в напечатании их произведений — нет сомнений, что такой ход был подсказан им Кузминым, приятелем Пастернака [Устинов 2021: 205–209]. Кузмин к моменту знакомства с Введенским и Хармсом уже мало мог дать своим протеже как самостоятельный агент литературного поля, но мог снабдить их чем-то гораздо более важным — связями.

Сообщества и социальные сети, которые выстраивал сам Кузмин и которые выстраивались вокруг него на протяжении всей жизни, многообразны. С момента вхождения в литературу в 1905 г. и до смерти в 1930-х Кузмин вращался в литературных, театральных, музыкальных, богемных кругах и прошел через знаковые объединения первой трети XX в.: от «Башни» Вяч. Иванова до круга издательства «Academia». Едва ли получится восстановить созданную Кузминым сеть знакомств, покрывающую литературный и артистический Петроград, однако можно приблизиться к ее пониманию, используя в качестве источника дневник писателя.

Дошедший до исследователей дневник Кузмина охватывает (с лакунами) период с 1905 до 1934 г., причем временной отрезок с 1920 по 1929 г. документирован наиболее подробно. Сколь бы ни была неоднозначна прагматика дневника⁶, есть информация, которую можно добыть из этого сложного источника: социальные контакты. На протяжении почти 30 лет Кузмин скрупулезно фиксировал всех, с кем пересекался (или планировал пересечься) в тот или иной день.

Мы представили сообщество, которое сложилось вокруг Кузмина в 1920-е гг., как сеть, используя сетевой анализ⁷. Количество

⁶ О прагматике кузминского Дневника и режимах его чтения см.: [Пахомова 2025: 429–462].

⁷ В качестве прецедента упомянем исследование, проведенное на похожем материале: [Орехов, Успенский, Файнберг 2018]. Выражаем искреннюю благодар-

и насыщенность записей позволяют нам реконструировать контакты Кузмина на рубеже 1920–1930-х гг., выделить ядро, обозначить динамику связей и выделить кластеры. Для подготовки данных мы вручную выбрали все контакты, которые Кузмин зафиксировал в своем дневнике: за факт контакта принималось любое упоминание реальной или косвенной (например, через полученное письмо) коммуникации. Каждый факт взаимодействия фиксировался как встреча; если взаимодействие объединяло нескольких людей, то отмечалась связь между ними. Следующим этапом обработки данных было ручное отделение встреч, которые происходили «вовне» — в официальных инстанциях, театрах, редакциях, на литературных вечерах, от «личных» встреч в доме Кузмина. Четкого критерия, который бы позволил разнести эти встречи, нет. Мы опирались на структуру записи, где время вечернего чая нередко выделено в отдельное предложение или обозначено рядом фраз («чай пил у нас», «у нас был», «приходил к нам»). При построении итоговой сети мы исключили из выборки Кузмина, Юрия Юркуна и Ольгу Гильдебрандт-Арбенину. Для обработки данных была использована программа *Gephi*.

Полученные результаты позволяют визуализировать сеть контактов, сложившуюся вокруг Кузмина в середине 1920-х гг.⁸ и выявить ряд тенденций⁹. В табл. 1 представлено количество контактов Кузмина как в пределах его дома (личные), так и за пределами (публичные). В качестве узла сети определялась одна персоналия, уточненная по именному указателю [Кузмин 2024].

Начиная с 1922 г. число персоналий в домашнем кругу Кузмина растет. В 1923 г. личный круг увеличивается почти в 3 раза по срав-

ность Б.В. Орехову за помощь в работе с цифровыми инструментами и содержательные консультации.

⁸ Дневник 1934 г. выстраивался Кузминым как художественный текст, по этой причине мы не учитываем его при анализе. Не сохранились дневники с записями с 24 июня 1929 по 13 сентября 1931 г.; утрачены дневники за 1932 и 1933 г. Также не был учтен дневник 1928 г., который сохранился хуже, чем другие записи Кузмина, и еще не расшифрован полностью.

⁹ Сочетание количественного анализа и субъективного материала, каким является Дневник, заставляет нас сделать ряд необходимых оговорок. Мы осознаем неполную объективность кузминских записей. Дневник не всегда велся регулярно; в него могли не попадать определенные встречи; порой Кузмин заполнял Дневник задним числом. В ряде случаев невозможно установить, имел ли место социальный контакт на самом деле; имена некоторых собеседников и знакомцев Кузмина сложно установить. В то же время определенный массив данных выделяется отчетливо и в проблемное поле выборки попадает не более десятой части выявленных персоналий. Дневник Кузмина — уникальный текст, фиксирующий состояние литературного поля Ленинграда 1920-х гг., и текста, равного по протяженности, наполненности и подробности, просто не существует. По совокупности этих причин мы считаем, что количественный анализ Дневника возможен, хотя сложившаяся картина не может претендовать на полноту.

нению с 1921 г., однако затем до 1927 года (и гипотетически до 1929-го) остается неизменным. В то же время сообщество «внешних» знакомцев на протяжении десятилетия увеличивалось. Оживление контактов можно связать с оформлением осенью 1922 г. объединения эмоционалистов, в которое вошли друзья Кузмина — А.Д. и С.Э. Радловы, Б.В. Папаригопуло, Вагинов и др. Однако эмоционалисты прекратили свое существование в 1923 г., и с этого времени Кузмин постепенно начал «уходить в тень». За пять лет, с 1924 по 1929 гг., в печали появилось лишь 10 его стихотворений. В эти годы начинается интенсивное сотрудничество Кузмина с «Вечерней Красной газетой», результатом чего стали несколько десятков критических статей. Вероятно, именно критической деятельностью Кузмина можно объяснить увеличение «внешних» контактов, в то время как в стабилизации внутреннего сообщества¹⁰ можно увидеть начало формирования той общности, которая войдет в историю литературы как «круг Михаила Кузмина».

Таблица 1

Динамика контактов в кругу Кузмина

Год	Личные встречи, количество узлов	Публичные встречи, количество узлов
1921	36	172
1922	72	215
1923	93	269
1924	78	284
1925	86	250
1926	75	306
1927	79	295
1929 ¹⁰	67	223
1931 ¹¹	30	132

Для измерения качества сети мы используем две метрики — «суммарная мощность», которая отражает общую силу и интенсивность связей (то есть количество связей) каждого узла, и «авторитетность», которая позволяет выявить узлы, обладающие большим количеством сильных связей. С момента своего появления в доме

¹⁰ Проведенный анализ позволил выделить «ядро» этого круга — 34 персоны, которые упоминаются с 1925 по 1931 г. (40% от общего количества персон в 1925, 45% — от общего количества персон в 1926 г.).

¹¹ Дневник за 1929 г. сохранился частично. Если предположить, что во второй половине года динамика общения не менялась, то полученные данные могут быть сопоставимы с 1927 г.

¹² Сохранились записи с 14 сентября по 31 декабря 1931 г.

Кузмина в 1924 г. и до 1927 г. Введенский попадает в выборку трех узлов с самыми высокими мощностью и авторитетом¹³, что значит не только его активную вовлеченность во внутреннюю коммуникацию в среде Кузмина, но и «качество» этой коммуникации: он общается с наиболее важными и заметными представителями среды. Старший поэт не только приветил младшего, но и приблизил его к себе. В записях разных лет он отмечает, что Введенский читал «отличную вещь» (12 июня 1924), «хорошие вещи» (26 февраля 1926¹⁴) или «превосходную штуку» (15 ноября 1928), и фиксирует факт совместного чтения дневника: «Я читал Введ<енскому> дневник и много беседовали о друзьях, знакомых, любви и т. п.» (26 февраля 1925). Вероятно, именно с этой близостью была связана высокая оценка Кузминым поэтических опытов Введенского, которую ревниво отметил Хармс и которую, по словам Дж. Шерона, запомнил И.В. Бахтерев: «Введенский — крупнейший поэт XX века, поэт такого же значения и масштаба, как Хлебников. Более того, по сравнению с Введенским Хлебников более засорен различными влияниями, — символисты и т. д.; Введенский же свободнее и чище. <...> Если убрать заглавия стихотворений Введенского и напечатать их непосредственно друг за другом, то они составят одну продолжающуюся целую вещь» [Cheron 1983: 93–94].

На протяжении всего критического пути Кузмина самостоятельность и отсутствие литературного «ученичества» были главными положительными характеристиками при оценке им поэтического творчества. В нескольких предисловиях, написанных Кузминым (к сборнику А. Ахматовой «Вечер», 1912, роману Ю. Юркуна «Шведские перчатки», 1914, книгам стихов М. Бамдаса «Предрассветный ветер», 1917, А. Радловой «Соты», 1918, О. Черемшановой «Склеп», 1925), подчеркивается приоритет уникального «голоса поэта» над усвоением поэтической культуры. Оценивая книгу Бамдаса, Кузмин замечает: «...книга его литературна лишь настолько, чтобы ее можно было назвать книгой. Почти minimum» [Кузмин 2000: 487]. Похожая мысль повторится в рецензии на «Склеп»: «При равных способностях человек с обостренным напором расширенных, углубленных и резко индивидуальных человеческих чувств и ощущений даст более заманчивые, хотя, может быть, менее определенные обещания, нежели обуреваемые

¹³ Приведем выборку трех узлов с самой высокой мощностью за 1924–1927 гг.: 1924 — Введенский, Раков, В.В. Дмитриев; 1925 — Введенский, Раков, П.И. Сторицын; 1926 — Раков, Введенский, Сторицын, 1927 — Раков, Введенский, М.А. Фроман. Аналогичная картина и у метрики «авторитетность»: 1924 — Раков, Введенский, Дмитриев; 1925 — Раков, Введенский, Сторицын; 1926 — Раков, Введенский, Сторицын; 1927 — Раков, Введенский, Д.И. Митрохин.

¹⁴ Дневниковые записи 1925–1927 гг. цит. по расшифровке, подготовленной к печати Н.А. Богомоловым и К.В. Яковлевой.

одним желанием написать литературное произведение без других, кроме этого желания, поводов к этому» [Там же: 489]. Кузмин обыкновенно симпатизировал творчеству своих друзей и в статье 1924 г. писал о программном неразличении литературных и личных контактов: «Упрек: “Ему нравится тот или другой артист, так как они друзья”, — предлагаю перелицевать: “Они друзья, так как тот-то артист ему нравится”. <...> От общения с живым человеком вы можете лучше понять его искусство» [Там же: 352]. Можно предположить, что Введенского Кузмин встраивал в ряд близких друзей и соотносил с Юрием Юркуном, Моисеем Бамдасом, Анатолием Фроловым и др.

Сохранившаяся оценка произведений Вагинова столь же благожелательная. В статье «Письмо в Пекин» (1922) Кузмин называет стихи и прозу Вагинова «значительными» [Кузмин 2000: 616], а годом позднее пишет о «на глазах развивающемся» даровании молодого писателя [Там же: 408]. 27 мая 1926 г. Кузмин записывает в Дневник: «Пришел Вагинов. Читал превосходную вещь, подбадривающую», а 16 октября — «Вагинов читал свой роман. Интересно». При этом упоминания Хармса немногочисленны: 16 мая 1927 г. Кузмин запишет, что тот «читал всё-таки мертвечину какую-то». В личной сети Кузмина Вагинов и особенно Хармс не играют значительной роли — с точки зрения «авторитетности» в списке близких контактов с 1924 по 1929 гг. Введенский занимает второе место, Вагинов — шестое, а Хармс — двадцать первое. Соотнесение динамики социальных связей и прослеживаемого творческого влияния показывает, что Введенский, наиболее интенсивно общавшийся с Кузминым, как будто вовсе не испытывает художественного воздействия старшего поэта, а в определенный период ориентирующийся на Кузмина Хармс занимает незначительное место в сети кузминских контактов. Это наблюдение позволяет проблематизировать идею творческого влияния и поставить вопрос о разных способах ученичества, которые выработали «чинари». Вагинов занимает сложное место в этой сети: его сближение с Кузминым, вероятно, не было в полной мере ни творческим, ни дружеским.

Попробуем задать вопрос, как обэриуты воспользовались теми связями, которыми их снабдил круг Кузмина? Метрика суммарной мощности позволяет выделить 10 наиболее частых посетителей кузминского круга в период с 1924 по 1929 гг.:

1. Раков Л. Л. (1904–1970)
2. Введенский А. И. (1904–1941)
3. Сторицын П. И. (1894 (по другим данным — 1877)–1941)
4. Дмитриев В. В. (1900–1948)
5. Митрохин Д. И. (1883–1973)
6. Вагинов К. К. (1899–1934)

7. Лившиц Б. К. (1886–1938)
8. Радлова А. Д. (1891–1949)
9. Папаригопуло Б. В. (1899–1951)
10. Егунов А. Н. (1895–1968)

С угасанием деятельности эмоционалистов круг Кузмина требовал обновления — именно появление в 1924 г. Введенского «пересобирает» среду Кузмина и «омолаживает» ее. На место знакомцев 1910-х гг. приходят молодые поэты, родившиеся на рубеже веков. Из контактов Кузмина дореволюционных лет в его кругу остаются единицы — например, художник Митрохин и поэт Лившиц. Подобная среда стимулирует творческую активность Кузмина. Постепенно теряя доступ к печати, он сосредотачивается на оригинальном творчестве, где сочетает общеевропейские новации (экспрессионизм, монтаж, абсурд) с отсылками к дореволюционной культуре, формируя художественное пространство, существующее вне официального литературного процесса.

В 1924 г. творчество Кузмина переживает очередной слом: сборник «Новый Гуль» можно считать прощанием со старой поэтикой и переходом к новой, более ассоциативной и герметичной. Дошедшие до нас последние поэтические опыты Кузмина вполне описываются фразой, которую запомнил Бахтерев: «Если убрать заглавия стихотворений Введенского и напечатать их непосредственно друг за другом, то они составят одну продолжающуюся целую вещь». К концу 1920-х гг. в поэзию Кузмина возвращается мышление циклами со сквозным сюжетом — одна из ярких черт его ранней поэтики. И книга стихов «Новый Гуль», и отдельные циклы в книге «Фореель разбивает лед» могут быть названы поэмами. Кроме того, Кузмин обращается к центральным образам своего дореволюционного творчества и к знаковым для русского модернизма событиям (самоубийство Всеволода Князева, гибель Николая Сапунова и др.). Подобное решение привлекает молодых авторов, которые ищут эстетику, альтернативную советской. Круг Кузмина мог рассматриваться будущими обэриутами как еще один центр культурной жизни Ленинграда, параллельный существующим (например, Союзу поэтов), но в то же время противостоящий им своей неиерархичностью, интимностью и ориентацией на иную культурную эпоху.

Подключив к нашему количественному анализу метрику модулярности, то есть выделения микросообществ, мы можем увидеть еще один процесс. На раннем этапе функционирования круга (рис. 1¹⁵) Введенский вращался в расширенном «личном» кругу, в который

¹⁵ На рис. 1 и 2 представлена часть сети; в каждом случае оставлены от 11 до 15 узлов с наибольшей суммарной мощностью.

также входили, например, художники Дмитриев и В.А. Милашевский (1893–1976). Однако, как показывают рис. 2 и 3, дальнейшего сближения с ними не происходит, — более того, из-под влияния последних выходит Вагинов, со временем все больше примыкая к обществу молодых людей. Динамика контактов внутри этого круга демонстрирует четкое выделение к 1927 г. кластера (рис. 3), в который объединяются близкие по возрасту Введенский, Вагинов, Хармс, Раков, а также поэт А.Д. Мейсельман (1900–1938) и Л.Л. Раков (который не писал стихи).

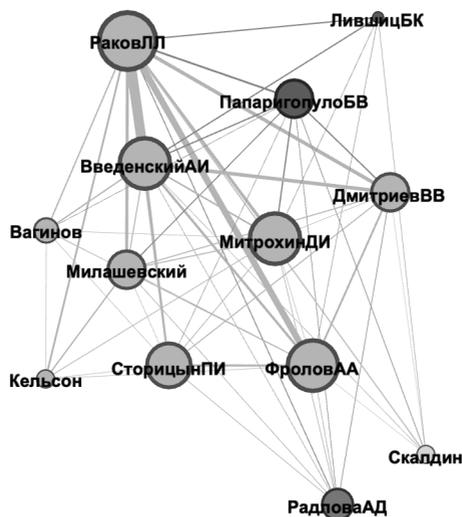


Рисунок 1. Динамика личных связей в кругу Кузмина, 1924 г.

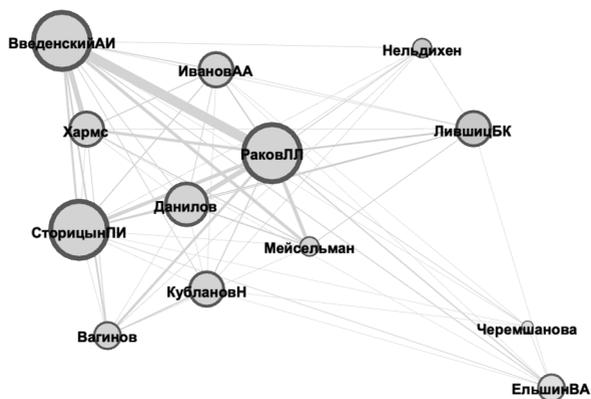


Рисунок 2. Динамика личных связей в кругу Кузмина, 1926 г.

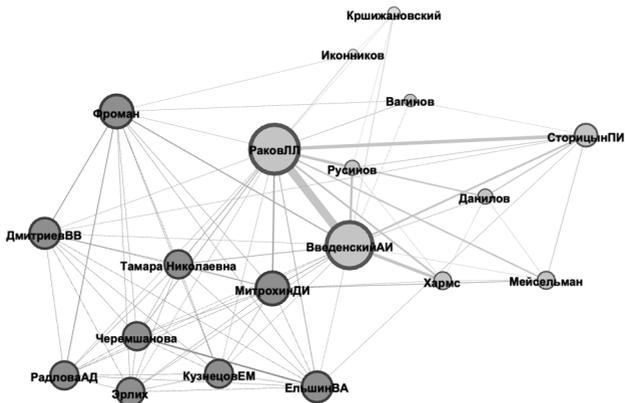


Рисунок 3. Динамика личных связей в кругу Кузмина, 1927 г.

Вагинов, с одной стороны, был связан с Кузминым еще со времен «Абракасов» и был идейно близок к более старшему поколению. С другой стороны, как мы уже отметили, его положение не было прочным: он не входил в ближайший интимный круг, как Введенский. У Вагинова был выбор, к какому поколению примкнуть, и он остановился на более младшем. 5 июля 1926 г. Кузмин отмечает в Дневнике: «Был Введенский <...> Водятся потихоньку с Хармсом, Вагиновым, пробивают себе дорогу». Через полтора года три поэта вместе выступают на вечере «Три левых часа».

Сетевой анализ и визуализация контактов в кругу Кузмина позволяет выявить связи между несколькими параллельными процессами. Во-первых, сгущение среды вокруг Кузмина происходит в момент его отхода от официального литературного процесса в середине 1920-х гг. И сам Кузмин, и молодые писатели, вхожие в его дом, выбирают в качестве стратегии возвращение к традициям и практикам дореволюционной литературы и ориентацию на них. Так постепенно формируется альтернативное культурное пространство внутри советского Ленинграда. Во-вторых, со временем в этом «неофициальном» пространстве возникают творческие кластеры, что свидетельствует о жизнеспособности такой среды и ее потенциальной плодотворности. Складывание микросообщества в составе Хармса, Введенского и Вагинова показывает, что круг старшего поэта был средой для оформления будущего дружеско-творческого объединения ОБЭРИУ, которое, как и круг «чинарей», во многом будет наследовать атмосфере кузминских домашних собраний. При этом молодая среда формировала свои сообщества и вырабатывала свою поэтику, не опираясь на творчество мэтра, но используя его связи

и культурные практики (домашние кружки). Сложившееся сообщество со временем стало литературным фактом — именно Кузмина редакторы одного из первых неподцензурных альманахов поместили в родоначальники неофициальной культуры, тем самым закрепив эту генеалогию.

Сетевой анализ и оценка кузминского круга прежде всего как социального явления позволяет увидеть механизмы, которые существуют за пределами (и поверх) творческих влияний: соприкосновение, обновление и подновление стратегии, кооперация влияют на литературный процесс, но делают это более тонко и порой неувидимо. Выявленные тенденции не оригинальны — сетевой анализ во многом позволяет придать им точную форму. Однако на его основе мы можем поставить вопрос о более масштабных процессах, происходящих в среде зарождающейся неофициальной культуры рубежа 1920–1930-х гг. Несомненно, что для Ленинграда тех лет две комнаты в коммунальной квартире на улице Рылеева были одним из немногих пространств, в которых существовала эстетика, практики и атмосфера, альтернативные доминирующим практикам публичной литературной среды тех лет. Траектории вхождения писателей в кузминское сообщество, контакты и их динамика позволяют нам приблизиться к пониманию одного из самых загадочных периодов в истории русской литературы XX в. — зарождению неофициальной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александр Введенский и Даниил Хармс в Ленинградском Союзе поэтов и Ленинградском Союзе писателей (По материалам архивов Пушкинского Дома) / Публ. Т. А. Кукушкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 543–588
2. Аполлонъ–77 / Под ред. М. Шемякина. Париж, 1977.
3. Богомолов Н.А. Из маргиналий к записным книжкам Хармса. 1. Хармс, Кузмин, Клюев // Богомолов Н.А. Вокруг «Серебряного века»: Статьи и материалы. М., 2010. С. 474–478.
4. Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э. Михаил Кузмин. М., 2013.
5. Вагинов К.К. Песня слов / Сост., подг. текста, вступ. ст. и примеч. А.Г. Герасимовой. М., 2012.
6. Валиева Ю.М. Игра в бессмыслицу: поэтический мир Александра Введенского. СПб., 2007.
7. Кобринский А.А. Даниил Хармс. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009.
8. Кобринский А.А. Об одном кузминском следе в записных книжках Даниила Хармса // Летняя школа по русской литературе. 2019. Т. 15. Вып. 1. С. 55–69.
9. Кузмин М. Проза и эссеистика: В 3 т. М., 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика / Сост., подгот. текста и коммент. Е. Г. Домогацкой, Е. А. Певак.
10. Кузмин М. Дневник 1917–1924: В 2 кн. / Под общ. ред. А. С. Пахомовой. СПб., 2024. Кн. 2.

11. Орехов Б. В., Успенский П. Ф., Файнберг В. В. Цифровые подходы к «Камер-фурьерскому журналу» В. Ф. Ходасевича // Русская литература. 2018. № 3. С. 19–53.
12. Панова Л. Мнимое сиротство: Хлебников и Хармс в контексте русского и европейского модернизма. М., 2017.
13. Пахомова А. С. Круг Михаила Кузмина и формирование неофициальной ленинградской литературы второй половины XX века // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 239–262.
14. Пахомова А. С. Непрошенный пришелец: Михаил Кузмин. От Серебряного века к неофициальной культуре. М., 2025.
15. Уокер Б. Максимилиан Волошин и русский литературный кружок: Культура и выживание в эпоху революции / Пер. с англ. И. Буровой. СПб., 2022.
16. Устинов А. Б. «Чинари» в дневниках Михаила Кузмина // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 200–252.
17. Хармс Д. ПСС. Записные книжки. Дневник / Сост. В. Сажин, Ж.-Ф. Жаккар; примеч. В. Сажина: В 2 кн. СПб., 2002. Кн. 1.
18. Cheron G. Mixail Kuzmin and the Oberiuty: An Overview // Wiener Slawistischer Almanach. 1983. Bd. 12. S. 87–105.

REFERENCES

1. Aleksandr Vvedenskij i Daniil Kharms v Leningradskom Sojuze pojetov i Leningradskom Sojuze pisatelej (Po materialam arhivov Pushkinskogo Doma) [Aleksandr Vvedensky and Daniil Kharms in the Leningrad Union of Poets and the Leningrad Union of Writers (Based on Materials from the Archives of the Pushkin House)], Publ. by T.A. Kukushkina, *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2007–2008 gody* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2007–2008]. St.-Petersburg, *Dmitry Bulanin Publ.*, 2010, pp. 543–588. (In Russ.)
2. *Apollon-77*, Ed. by M. Shemjakin. Paris, 1977. 386 p. (In Russ.)
3. Bogomolov N.A. Iz marginalij k zapisnym knizhkam Harmsa. 1. Harms, Kuzmin, Kljuev [From the marginalia to Harms's notebooks. 1. Kharms, Kuzmin, Klyuev] in // Bogomolov N.A. *Vokrug «Serebrjanogo veka»: Stat'i i materialy* [Around the “Silver Age”: Articles and materials]. Moscow, *NLO Publ.* 2010, pp. 474–478. (In Russ.)
4. Bogomolov N.A., Malmstad G.E. *Mikhail Kuzmin*. Moscow, *Molodaya Gvardija Publ.*, 2013. 400 p. (In Russ.)
5. Vaginov K.K. *Pesnja slov* [The Song of Words], ed. by A.G. Gerasimova. Moscow, *OGI Publ.*, 2012. 368 p. (In Russ.)
6. Valieva Ju.M. *Igra v bessmyslicu: pojeticheskij mir Aleksandra Vvedenskogo* [Game of Nonsense: the Poetic World of Alexander Vvedensky]. St.-Petersburg, *Dmitry Bulanin Publ.*, 2007. 279 p. (In Russ.)
7. Kobrinskij A.A. *Daniil Harms*, 2nd ed., Moscow, *Molodaya Gvardija Publ.*, 2009. 544 p. (In Russ.)
8. Kobrinskij A.A. Ob odnom kuzminskom slede v zapisnyh knizhkah Daniila Harmsa [On One Kuzmin Trace in the Notebooks of Daniil Kharms]. *Letnjaja shkola po russoj literature* [Summer School on Russian Literature]. 2019. Vol. 15, iss. 1, pp. 55–69. (In Russ.)
9. Kuzmin M. *Proza i jesseistika: V 3 t.* [Prose and Essays, in 3 vols.], vol. 3. Moscow, *Graph Publ.*, 2000. 768 p. (In Russ.)
10. Kuzmin M. *Dnevnik 1917–1924: V 2 kn.* [Diary, 1917–1924, in 2 vols.], ed. by A.S. Pakhomova, vol. 2. St.-Petersburg, *Ivan Limbakh Publ.*, 2024. 512 p. (In Russ.)
11. Orekhov B.V., Uspenskij P.F., Fajnberg V.V. Cifrovye podhody k «Kamer-fur'erskomu zhurnalu» V. F. Hodasevicha [Digital Approaches to V. F. Khodasevich's *Camere-*

- Fourier Journal*]. *Russkaja literature* [Russian Literature]. 2018. Iss. 3, pp. 19–53. (In Russ.)
12. Panova L. *Mnimoe sirotstvo: Hlebnikov i Harms v kontekste ruskogo i evropejskogo modernizma* [Imaginary Orphanhood: Khlebnikov and Harms in the Context of Russian and European Modernism] Moscow, *HSE Publ.*, 2017. 608 p. (In Russ.)
 13. Pakhomova A.S. Krug Mihaila Kuzmina i formirovanie neoficial'noj leningradskoj literatury vtoroj poloviny XX veka [Mikhail Kuzmin's Circle and the Formation of Unofficial Leningrad Literature of the Second Half of the Twentieth Century]. *Literaturnyj fakt* [Literary Fact]. 2024. Vol. 2 (32), pp. 239–262. (In Russ.)
 14. Pakhomova A.S. *Neproshenyj prischelec: Mihail Kuzmin. Ot Serebrjanogo veka k neoficial'noj kul'ture* [Uninvited Alien: Mikhail Kuzmin. From the Silver Age to the Unofficial Culture]. Moscow, *NLO Publ.*, 2025. 576 p. (In Russ.)
 15. Uoker B. *Maksimilian Voloshin i russkij literaturnyj kruzhok: Kul'tura i vyzhivanie v jepohu revoljucii* [Maximilian Voloshin and the Russian Literary Circle: Culture and Survival in the Era of Revolution]. St.-Petresburg, Bibliorossica|Academic Studies Press Publ., 2022. 335 p. (In Russ.)
 16. Ustinov A.B. «Chinari» v dnevnikah Mihaila Kuzmina [*Chinari* in Mikhail Kuzmin's Diaries]. *Literaturnyj fakt* [Literary Fact]. 2021. Vol. 1 (19), pp. 200–252. (In Russ.)
 17. Harms D. *PSS. Zapisnye knizhki. Dnevnik: V 2 kn.* [Collected Works. Notebooks. Diary, in 2 vols.], ed. by V. Sazhin, Zh.-F. Zhakkar, vol. 1. St.-Petersburg, *Academic Project Publ.*, 2002. 480 p. (In Russ.)
 18. Cheron G. Mixail Kuzmin and the Oberiuty: An Overview, *Wiener Slawistischer Almanach*. 1983. Bd. 12. S. 87–105.

Поступила в редакцию 22.08.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 17.01.2026

Received 22.08.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 17.01.2026

ОБ АВТОРЕ

Александра Сергеевна Пахомова — PhD, старший преподаватель Департамента филологии Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств НИУ ВШЭ — Санкт-Петербур; aleks.pakhomova@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Aleksandra S. Pakhomova — PhD, Senior Teaching Fellow, Department of Philology, St.-Petersburg School of Arts and Humanities, Higher School of Economics University; aleks.pakhomova@gmail.com